

Автор: Есельсон С. (Россия)

Свидание было в кафе. В пять вечера в летний воскресный день, видимо, народ можно было затолкать в кафе только очень большими усилиями — потому что кафе было пустынным. Клиентка — миловидная девушка лет двадцати. Неестественная стройность выдавала в ней спортсменку или модель, а неподвижный взгляд — клиента. Они иногда встречались в кафе-кондитерской; чай, кофе и какой-нибудь десерт отдавали столик в их безоговорочное распоряжение. Во всем этом был какой-то французский колорит, — кафе, молоденькая девушка и сидящий джентльмен. Но, по-видимому, это их не очень волновало, а может, даже и устраивало.

В прошлый раз они говорили о парне, который девушке давно и безнадежно нравился, который после очного выяснения зашкаливающей серьезности ее намерений начал ее избегать и с которым она вступили в успешную Интернет-связь под каким-то ником. Она все хотела раскрыться перед ним и все боялась, что все кончится быстро и конкретно. А парень все настаивал и настаивал, чтобы Гульчатай приоткрыла личико. Они уже и говорили по телефону. Парень, видно, был еще та «вещь-в-себе», голоса ее по телефону совершенно не узнавал. «Ах, ах, ах, что мне делать, что мне делать, что мне делать?» — повторяла она и комкала в руках маленький платочек, совсем как героини сказок Андерсена. Девушка была поэтической натурой. Ей хотелось любить и быть любимой, но как-то по-особенному, не так, как у всех. У всех это было прозой. Конкретно решить конкретную задачу: переспать с намеченным мужиком, выйти правильно замуж, квартира, машина, работа, здоровый ребенок, отдых в Анталии. В этой прозе жизни ей было неуютно.

«Доктор, — сказала она, — я принесла с собой рассказ. Это мой рассказ. Знаете, я читала этот рассказ ему по телефону, и он меня слушал, долго, вечером, почти ночью». Она смотрела на меня долгим грустным немигающим взглядом. «Что мне делать, доктор?» — «Вам понравился такой вечер?» — «Очень понравился. Я боюсь, что больше такого не повторится». — «Почему?» — «Ну, как-то... ощущение неповторимости. Нужно что-то другое, нужно новое, а я не умею. Мой рассказ был как ниточка; он слушал, я говорила, больше нас ничего не связывает, только эта тоненькая ниточка».

Как молния, в голове пронеслось — Шахерезада.

«Чего Вы от него хотите?» — «Быть ему нужной». — «Вы серьезно? Вам этого было бы уже достаточно?» — «Хотя бы это». — «Слушайте, а Вы готовы будете рассказывать ему всякие истории 1001 ночь подряд?»

Она опешила, явно не спешила с ответом. Потом, наконец, не отрывая взгляда от какой-то точки у меня на ухе, прошептала: «Я не готова. Очень хочется... но не готова». Помолчала — и снова прошептала, наконец посмотрев мне в глаза: «Помогите, доктор».

Долгое-долгое молчание. Так, что можно было выпить все кофе. «Откуда я возьму столько историй?» — «Шахерезада ведь была молода, откуда она брала?» — «Помогите, доктор». И тогда доктор начал рассказывать сказки для Шахерезады.

Сказка первая. Долготерпение

Дело было давно, лет тридцать тому назад. В то милое застойное время люди были честнее и беднее. Те, кто шел учиться на юриста — учился, чтобы преступников уметь ловить или, наоборот, чтобы честных людей защищать, во врачи шли по медицинским показаниям, а в физику — романтики узнавания тайн мироздания. Те, кто хотел заработать — в торгаши. И все было понятно и прозрачно. Не то что ныне.

Наш герой был романтик. Он был уверен, что разгадает одну из загадок мироздания, что встретит девушку, которую полюбит, на ней и женится, что напишет книгу и положит свой камень в здание светлого будущего человечества.

Жизнь его складывалась все время счастливо, но с какой-нибудь подкавыкой, то есть все шло хорошо, а потом, как гром среди ясного неба, что-нибудь случалось. Удар-то он держал, но успешным называться мог вряд ли.

«Мастера и Маргариту» он не читал, — книга была фактически под запретом — но в то июльское утро шел по бульвару с букетом таких же цветов. Кому он их нес, было покрыто мраком, он об этом позже никогда не помнил, а может, не помнил уже и тогда. Он нес цветы и встретился глазами с ней. Это было не знакомство — знакомы они были с тех времен, когда девочку старшие брали с собой в университетский лагерь отдыха; это была Встреча. «Ты кому несешь цветы?» — прошептали мягко зеленые глаза; конечно же, он нес цветы ей. Таков закон жанра.

Они начали встречаться душа в душу. Вряд ли кто мог сказать, что они не были счастливы этими встречами.

Как-то зимой от нее кто-то позвонил (в те времена у многих не было домашнего телефона, не говоря уже о мобильном, вот и у нее не было), позвонил и попросил прийти — она больна. Он тут же пришел. Она была не в себе. Схватила его руку и судорожно гладила. Ни до, ни после, ни здесь, ни там, никто ничего подобного не проделывал с его рукой. Лицо ее было серым, некрасивым, осунувшимся. А душа рвалась, трепетала. В тот же день он был в гостях и познакомился там с очаровательной девушкой, милой, раскованной, тяготеющей к нему и умеющей вкусно поговорить. Он провожал девушку домой — и по пути, внутри милой болтовни, отчетливо понял, что продолжения не будет, что он не хочет никакого продолжения, что все это нехорошо, что все это предательство той, больной. И в этот момент он впервые и назвал для себя происходящее старым добрым словом «любовь».

Она здоровела и крепла быстро, и вскоре они играли уже в снежки. А как-то вечером пожилой таксист, подвозивший его с ее дня рождения, спросил: «Кто она тебе?» — «Невеста».

Дело было простое, очевидное, старое как мир, с понятным продолжением. Однако мы уже говорили, что в жизни нашего героя всегда возникала какая-то закавыка, в самые неожиданные, в самые неподходящие моменты. Светлым майским вечером девушка сказала: «Ты знаешь, я бы хотела, чтобы ты был рядом со мной до самой смерти». И на

этой мажорной ноте незамысловатая часть этого романа закончилась. Ибо когда в следующий раз наш герой пожаловал в гости к своей «невесте», то она не пустила его за порог. Оказывается, абсолютно все что нужно, можно выяснить на лестничной площадке, и дело с концом.

Больше он никогда не переступал порог ее квартиры.

Много позже бедняга по случаю узнал, что у ее отчима была сложная форма психического заболевания, заключающегося в том числе и в том, что он в собственном доме прятал дорогие вещи, так, чтобы возник вопрос, куда они пропали, и можно было вдоволь порезвиться в поисках. Вот так наш герой и попал под подозрение и был отставлен от дома. В их отношения вкралась недоговоренность, — когда что-то происходит, но об этом говорить нельзя. Недаром Федор Михайлович Достоевский в «Великом инквизиторе» говорит о «тайне» как традиционном оружии злого духа.

Она часто плакала после прощаний с ним. Тяжелым грузом стала оборачиваться его претензия быть избранным и единственным.

В те времена народ наш любил «Театр на Таганке», скорее, потому что так было принято — всякий приличный человек должен был побывать на Таганке и ее похвалить. Таганке позволялось дерзить власти, и зрителям казалось, что уже и они стали на рупь смелее и дерзновеннее. И когда Таганка приехала в их город, то за билетами стояли сутками, их брали боем — или по особому знакомству. Некоторые (я сам как-то был в их числе) нагло билетов не брали, а забирались в окно фойе прямо по пожарной лестнице. Когда приехала Таганка, наш герой с бою взял билеты на пару спектаклей — на себя и на нее. И вдруг, как обухом по голове, открытие — она достала тоже — но только на себя.

Наш герой бился в догадках. Мировая литература подсказывала — «она тебя не любит, нужно ее красиво отпустить к тому, к кому тянется ее сердце». «Живой труп» Толстого и «Что делать?» Чернышевского указывали генеральное направление — уйти кардинально из ее жизни, лучше всего погибнуть, чтобы ее не смущать. Но ради кого надо исчезнуть? Романтическая натура перебирала друзей, — с кем бы его возлюбленная могла быть счастлива? И вот, когда он было уже понял, к кому тянется сердце девушки, — конечно же, это должен был быть самый близкий и достойный, к кому он писал стих что-то типа «пока свободою горим...» — девушка сделала неожиданное признание. Конечно же, письменное. Точь-в-точь как пушкинская Татьяна, только наоборот. «Родной мой, — писала она, — я с юных лет другому отдана, мое сердце принадлежит другому, он сейчас в армии. Я не могу с тобой встречаться, это нехорошо, мне не по себе. Я должна ждать его возвращения в одиночестве».

Как уважал он ее, как он ее зауважал! Некрасовские «женщины», декабристские жены встали перед ним в полный рост и дружно шагнули в его жизнь со страниц книг и даже хрестоматий.

И он решил — «она будет ждать того парня, а я буду ждать ее».

Время пошло.

Что такое время в юности? Тьфу, на один зубок. Летит как ракета. В его игнорировании всяких возможностей сближения с девушками был отблеск трагической таинственности. Он похож на Гамлета, говорили в одной компании, и ему это нравилось, укрепляло. Он начал писать рассказы и даже сказки. И первая была про Нарцисса. «Через два года она ко мне вернется, — говорил он себе, — когда там все прояснится». Это чувство, что «там» все прояснится в его пользу, не покидало его сердце ни на минуту.

Ровно через два года с того дня, когда был отлучен от дома, наш принц вышел на Встречу. В тот день она сдавала экзамен. Он знал досконально маршруты ее передвижения по городу — и двинулся встречным маршрутом. Они встречались с ней в этот день десятки раз, но глаза ее были от него закрыты — она его не видела, она его не узнавала. Или делала вид. И когда день заканчивался, а за ней закрылась калитка бабушкиного сада, — он взвыл. Сейчас трудно установить, что за тоска переполнила его душу, я видел только однажды его записи об этом дне: «Любовь моя не стала меньше, но из нее разом ушло будущее». Он взвыл, и небо ответило громом. Он взвыл, и разразился ливень невероятной силы и интенсивности. Он шел под дождем, промокший мгновенно до нитки. И с каждым грозовым раскатом чувствовал облегчение души. Эта гроза разряжала его отчаяние — ни до, ни после он никогда не был столь близок с природой.

Сила его отчаяния была равна силе уверенности в своих безграничных силах. Ему казалось, что он может все, кроме одного — он не может вернуть себе ее расположения. Что оставалось делать — он стал жить с этой горчинкой.

Слухи, слухи. До него доходили слухи, что она стала встречаться с одним его добрым знакомым. Слухам он обреченно поверил и решил — не буду скатываться в омут: выбирая этого парня себе в парни, она знала о наших с ним добрых отношениях, вина на ней, а не на нем, да не станет женщина между нами. И с этим чувством повез этому парню в порядке инициативы передачу на военные сборы. Так шли годы. Его любовь приобрела странные очертания — она защищала его от того, что было у других. Ему были неинтересны другие девушки. Или она, или никто. Если ему и снилось что-то счастливое, то это были сны про прошлое — как они танцевали с ней на площади 9 мая, и как вся площадь вместе с ними радовалась и танцевала, или как они играли в снежки. Кажется, тогда он и написал свой стих, поражавший и японцев своей краткостью: «Пустившему стрелу к покою нет возврата».

В его дневниках я обнаружил и другой стих: «Есть в одиночестве изысканная прелесть». Не знаю, может быть, это со временем и становилось для него так. Но, видимо, не совсем. Он не смотрел «Форест Гамп» тогда — просто этот фильм был тогда еще не снят. Но он начал жить в силе и духе героя этого фильма. Как-то, на военных сборах, он попал на концерт барда, заинтересовался, прослушал кучу пленок — они пели про то, что было у него на душе. «Она должна их услышать». Смутное ожидание того, что глагол, жгущий сердца людей, дотронется до ее сердца и что-то изменит в нем, придавало ему силы. И он создал в своем городе Клуб авторской песни. Создал с

единственной целью — чтобы Она побывала на концерте. Он стал режиссером концертов — прослушивал репертуар, выстраивал песни в определенный сюжет, писал комментарии ведущего. Каждый концерт — был концертом для нее, каждый концерт он готовил так, как если бы она пришла. И чудо произошло — Она пришла.

Они гуляли по аллеям и наслаждались роскошью общения. Но — помните? — по законам жанра без пяти двенадцать принцесса должна исчезнуть с бала, чтобы там, в невидимой темноте, превратиться в неразличимую Золушку. И вот часы стукнули двенадцать, или час, или два, неважно, главное — и это было ужасно — часы стукнули что-то свое, и она опомнилась. «Ты, знаешь, извини, для меня ничего не изменилось, — внезапно сказала она, — мне пора спать». И ушла. В ту ночь Вселенную потряс взрыв сверхновой. Это выглядело так: звезды начала заволакивать некая слабая пелена, и пока она была едва различима — вот чистое небо, а вот звезды просвечивают сквозь пелену. А когда пелена заволокла уже все небо — начало казаться, словно так и надо, как будто это нормально, что звезды светят тускло. Он сказал: «Смотри!» Больше они никогда не смотрели вдвоем на звездное небо.

Он больше не питал надежд, но невыразимая сладость наполняла его сердце, когда она оказывалась рядом, даже в пределах одного телефонного звонка. «Что мне еще надо, когда мне и так хорошо и спокойно от того, что она вообще есть?» Иногда она ему звонила, и они говорили о чем-то — наверное, о жизни.

Но время летело неумолимо.

Как-то в разгар лета к нему пожаловал гость с черной вестью. О том о сем говорили они и между прочим гость рассказал, что, будучи на отдыхе, был поражен тем, что такое ангельское создание, на которое уж совсем никогда не подумаешь, спит с мужиками, одним словом. Он поверил гостю враз. Когда гость исчез, взял ножницы и старательно вырезал все ее фотографии. Он отрезал и отрезал ее от себя, но ничего не выходило. Назавтра во сне перед ним снова появлялись целыми и невредимыми фотографии, где они рядом. Как он понимал Окуджаву с его «сто раз я нажимал курок винтовки, а вылетали только соловьи».

И тогда она ему позвонила. Она сама ему позвонила. Она посмела ему позвонить. Ужас и счастье испытывали его сердце одновременно. Чего-то вздумалось ей принести ему подарок — отдарить подаренную ей им в юности книгу стихов и рассказов юного поэта-романтика двадцатых, внезапно и бесцельно погибшего и все же кем-то сохраненного для потомков, кажется женщиной, прожившей долгую-долгую жизнь, после него и не с ним. Он был чист, наивен и безоговорочно верил в светлое будущее. Таким и успел уйти из жизни.

Девушка со своим подарком снова переступила порог его дома — через много лет.

Что должен был делать наш герой? Что бы вы сделали на его месте? Он спросил девушку, правда ли это, и Она сказала: «Да». «Да, а чем я лучше или хуже других! Да, а что тут такого! Да, а почему бы и нет!» Она так сказала. И ноги ее внезапно опухли, и

она уже ничего не говорила, и даже не стояла, а только сидела. Он смог вымолвить: «Потому что я еще жив. Я верил, что ждешь Его, не пришедшего к тебе из армии, и я ждал тебя. Я верил тебе больше, чем ты сама себе». Больше он никогда ее ни в чем не упрекал. Он поил ее чаем и кормил ее яблоками. И ему стало все равно. Она боялась слова «любовь» и говорила так: «Я думала, что у тебя все прошло».

А в конце: «Извини, что так вышло». А он в ответ: «Знаешь, что бы ни произошло, можешь рассчитывать на мою помощь».

Если бы меня спросили, похоже ли это на восточные единоборства, я бы точно ответил: «Нет». В этом сплетении судеб у каждой была своя партитура.

Как-то осенью она позвонила ему и сбивчиво объяснила, что нужна помощь, причем наиделикатнейшая. У ней воспаление придатков, срочно нужно лекарство, такое-то и такое-то. Он толком не знал, что такое придатки, но знал, что лекарство гинекологическое и нужно срочно. Большой комсомольский начальник, спрошенный о лекарстве, долго удивленно смотрел на героя — лекарство оказалось против гонореи.

Отдавая лекарство девушке своей мечты, он спросил: «А почему ты не обратилась к парню, с которым живешь?» На что и получил простой и незамысловатый ответ: «А он не может достать такое лекарство, а ты можешь».

Периодически она звонила ему поболтать о том о сем. Каждый такой звонок успокаивал душу на ближайшие сто лет, так ему тогда казалось.

Особо тепло говорила она в новогоднюю ночь — какой-то тумблер в нем переключился, он забылся и попросил: «Приезжай сейчас ко мне, бери такси и приезжай», — на что она резонно удивилась: «Как так «приезжай», я ведь не одна».

Он написал в своем дневнике: «Раздался звонок, а потом раздалась тишина».

Бывали века, когда говорили «сон в руку». Но век наших героев — век, когда «фильм в руку». Он посмотрел «Осенний марафон» и ощутил кость в горле, которую ни проглотить, ни выплюнуть. Весь сюжет со временем испарился, но когда он рассказывал мне о тех временах, то только память сострадания к героине фильма, которую годами мучит возлюбленный, не способный ни уйти к ней от жены, ни оставить ее в покое, окончательно и бесповоротно, раз и навсегда, только память сострадания осталась в нем. Героиню играла, кажется, блистательная Марина Неелова. Мучения героини Нееловой эхом отзывались в нем. «Я не могу с этим покончить — буду умолять ее бросить меня окончательно и бесповоротно», — так думал он, когда она снова позвонила и спросила, почему голос его такой грустный. И голос его тут же стал еще более грустным, а потом стал грустным и счастливым одновременно. Что осталось в его памяти от того разговора через многие десятилетия, когда рассказывал он мне эту историю в вечернем кафе среди музыки, с бокалом черного как смоль чилийского вина? Он помнил ее совет не застревать в настоящем, не брать в голову, потому что будущее светло и прекрасно.

Она просила его написать ей научную работу про будущее, которое, без сомнения, должно быть светлым и прекрасным. И он не спрашивал, почему этого не делает тот мужчина, который сейчас рядом с ней — он знал ответ: «он этого не может, а ты можешь». День и ночь, месяц за месяцем он писал про то, во что верил, про то, что будущее, несмотря ни на что, светло и прекрасно. Он видел его ростки вокруг, описывал их и полагал, что они разрастутся, а не зачахнут. И наконец, ранним апрельским утром следующего десятилетия он закончил свою работу.

Для передачи работы он предложил встретиться на вечере смеха. Много позже про это — про круг, колесо, которое крутит, смех и вернисаж, пропела Лайма Вайкуле. На вечере смеха он был один. Она пришла, когда вечер закончился и смех иссяк. Как-то, вспоминая об этом, наш герой мне говорил: «Знаете, чем я спасаюсь с тех времен? В трудные минуты раскрываю Гашека, «Бравого солдата Швейка», смеюсь, и все в порядке».

Она взяла работу, и он решился. Он стал на полтора часа Нееловой из «Осеннего марафона». Он говорил ей, как он ее любит, как любил ее всегда, все сто лет своего одиночества, и как просит его оставить, уйти из его жизни насовсем, ни о чем и никогда его не просить, забыть его телефон, адрес, потерять его фотографии, выбросить письма. Он умолял ее сделать это. Один раз и навсегда. Она рассказывала ему про свои годами проплаканные глазки. А потом остановилась и сказала: «Хорошо».

Спустя пару дней наш герой встретился в полуночной забегаловке с задушевым другом, другом юности, свидетелем их истории, литератором, приехавшим на день-два по случаю в их город. Литератор не поверил, что это конец — «таким конец не бывает».

Первые годы разные люди приносили ему вести о ней. Так, рассказали, что она была беременна и ждала у загса своего жениха, подавать заявление — он не пришел, у нее случился выкидыш. И когда посреди кошмарных дней и недель верная подруга спросила, почему она не позвонит Ему, — то героиня начала рыдать навзрыд и сквозь рыдания отвечала, что «не может, не имеет права, хочет, но не может, нельзя, только не Ему». И когда ему передавали эту весть, то он понимающе кивал. В его сердце что-то оборвалось. «Хватит, довольно с меня, караул устал».

Как-то он встретил девушку с мягкими зелеными глазами, полюбил ее и решил жениться. Дело было за кольцами. Нужно было купить подходящие кольца. В их городе в те давние годы было два ювелирных магазина — он не нашел нужного в том, где обычно всё было и в котором все всё находили. Он не нашел и поехал в другой, дальний. И в тот момент, когда он подбирал обручальные кольца, туда вошла Она. Как привидение, погруженная в свои мысли, побродила она по магазину и вышла, не заметив его. А может, это и было привидение.

Прошла целая вечность, целая жизнь. Родились и выросли дети, подрастали внуки. Настало время, когда друзья, приятели, знакомые начали уходить в мир иной. И как-то его позвали на сорок дней. Когда поминки были в разгаре, вошла Она. И села у входа в комнату, с краю. Ровно через двадцать минут он должен был уходить — дела, деловой

человек. Когда он пробрался в коридор, она выскочила за ним. «Ты уже уходишь?» Он посмотрел на нее. Она была тяжело больна и не слишком ухожена. Что-то пронзило его при взгляде на ее руки, распухшие, без украшений. «Я не хочу, чтобы она умирала», — такой ясности и отчетливости желаний давно не было в его сердце. Он посмотрел ей в глаза и сказал: «Знаешь, можешь рассчитывать на меня, пока я жив, до самой моей смерти». Вы видели когда-нибудь человека, пронзенного молнией? Дрожь прошла по ее телу, и голос ее перехватило. Она поцеловала его в губы, впервые за жизнь, и они расстались.

Тем же вечером он открыл 13-ю главу Первого послания к Коринфянам апостола Павла. Главу про любовь. Он прочел: «Любовь долготерпит». И понял. И с ужасом понял. Что сам, что собственными руками. Что там, когда-то в далекой молодости, не дотерпел. Не выдержал испытания долготерпением. Что то, что мы переживаем обычно, — лишь предпосылка любви. Но сама любовь как награда, как итог, как то переживание, о котором невозможно рассказать не испытывавшему ее простому смертному, эта самая любовь — дар, который получаешь после того, как ты прошел испытание и выдержал.

«И что, это конец сказки? — спрашивал я у нашего героя. — Как-то все просто, назидательно». «Вы правы, не конец». «Она теперь есть снова в моей жизни, но мне от нее ничего не надо, лишь бы она была жива».

«А жена как же?» — «Знаете, я открыл для себя преувеличиваемую, прелюбопытнейшую вещь. Сначала меня поразило, что они одеваются одинаково, выбирают одинаковые шарфы, одинакового цвета одежду — моя жена и девушка из моей юности. Потом обнаружил, что у них одинаковые глаза. Потом — что у них матери имеют одну и ту же профессию и даже характер. Потом... да что потом! Вы верите в Бога?» — «Да как Вам сказать, на словах верю, а на деле...» Но он не стал далее слушать мои умничанья: «Достаточно и на словах, хотя бы уже и на словах. Я, знаете ли, понял, что Господь меня пожалел, помилосердствовал, так сказать, прямо скажем, ни за что, и послал мне жену в утешение». — «И утешил?» — «Утешил».

Последняя наша с ним встреча была на улице — он летел куда-то, но, завидев меня, свернул с заданной траектории, махнул рукой и причалил ко мне. Начал с ходу. «Знаете, писатель, что я забыл, то есть не успел Вам рассказать. Самое удивительное. С некоторых пор у меня начали появляться в жизни молодые друзья, парни и девушки, мужчины и женщины. То годами все стояло в отношениях с людьми, а тут как прорвало. Разрыв в возрасте колоссальный, а ведь друзья. В чем-то, конечно, и воспитанники, подопечные, но друзья. И вот я совсем недавно задумался над их датами рождения и ахнул. Вы и представить себе не можете, что я открыл — каждый из них родился через девять месяцев после каких-то ключевых минут радости в нашей с Ней истории. Все они непостижимым образом дети той радости, хоть физически и родились не от нее и не от меня. Все было не зря. Пока, писатель». И, успев вскочить на подножку отправляющегося автобуса, растворился в вечерней осенней мгле.